

И. А. ВАУЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.6

ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЕ СЛОВО В АСПЕКТЕ ЕГО ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Аннотация. Объектом рассмотрения в данной статье является феномен звукового символизма как устойчивой ассоциативной взаимосвязи между звучанием и значением лексемы. Звукосимволическое слово характеризуется с точки зрения его порождения и восприятия. Цель исследования – во-первых, экспериментально верифицировать взаимосвязь между определенным признаковым впечатлением об объектах и акустико-артикуляционными свойствами звуков, во-вторых, установить, какие именно коннотативные значения звуков и звукокомплексов актуальны непосредственно в момент называния объекта. Разработанная экспериментальная процедура включает в себя несколько этапов: конструирование окказиональных номинаций, отражающих звуковое представление респондентов о предложенных означаемых; эксперимент с применением в качестве стимульного материала реакций, данных на первом этапе исследования. Первый эксперимент позволил выявить комплекс акустико-артикуляционных средств, актуальных для испытуемых непосредственно в момент звукоизобразительной номинации. На втором этапе с применением метода прямого толкования и методики завершения (дополнения) высказывания выявлены особенности восприятия окказионализмов, созданных первой группой испытуемых; обозначены ведущие стратегии семантизации фоносемантов носителями языка. Установлено, что звукосимволическая выразительность стимульного слова способна задавать эмоционально-оценочный вектор ассоциирования.

Ключевые слова: фоносемантика, звукосимволическое слово, языковое сознание, психолингвистический эксперимент.

Одним из самых сложных и спорных вопросов лингвистической науки с древнейших времен и по сей день является вопрос о мотивированности языкового знака, о наличии закономерной, произвольной взаимосвязи между звучанием и значением слова. Данная проблема является ключевой для фоносемантики.

В современной науке накоплен богатый экспериментальный материал, подтверждающий существование устойчивой ассоциативной взаимосвязи между определенными звуками (звуко-комплексами) и признаковыми значениями (Воронин 1982, Журавлев 1974, 1991; Левицкий 1998, Михалев 1995 и мн. др.), разработаны электронные программы, позволяющие верифицировать степень фоносемантической экспрессивности слова (ВААЛ, Диатон). При этом феномен звукосимволической выразительности до сих пор остается для ученых некой «неразгаданной загадкой», поскольку не поддается прямому описанию, представлен в языке весьма непоследовательно, требует обращения к языковому сознанию, разработки новых экспериментальных методик.

Вопрос, поставленный А. П. Журавлевым в заголовке одной из глав книги «Звук и смысл» [Журавлев 1991: 74], – «Уважаемое слово, к лицу ли Вам Ваша форма?» – стимулирует исследовательский интерес к тому, насколько «подходящей» является та или иная звуковая форма для выражения определенного содержания с точки зрения носителя языка; какие потенциальные означаемые может получить существующее в узусе означающее, с одной стороны, и какие новые означающие окажутся подходящими для существующего означаемого – с другой стороны.

Ранее (см. [Ваулина 2017: 627]) нами был проведен эксперимент¹⁶, направленный на подбор новых денотатов к звукосимволическим словам, в результате которого удалось проследить наличие взаимосвязи между звуковыми структурами и смысловыми ассоциациями, установить, что звуковая оболочка слова может «притягивать» спектр неакустических, разномодальных образов, в том числе *визуальных* (например, слово *фefeла*, с точки зрения респондентов, является удачным для номинации «уродливого членистоногого или гусеницы»; *каракатицей* можно назвать бег волн, *лирой* – красивую «плывущую» походку и

---

¹⁶ Ср. также данные эксперимента, проведенного Т.А. Гридиной, где в качестве стимула для толкования предлагалось детское слово АЛЬДЫПЫП. Звукосимволика данного окказионализма позволила выявить широкий спектр его потенциальных денотатов (см. [Гридина 2015: 45-56].

т.д.), *кинестетических* (*лилия* – мягкое пушистое животное, *идеал* – теплый предмет, *фефела* – сладкое блюдо).

Полученные результаты и сделанные выводы обусловили идею провести «обратный» эксперимент: предложить респондентам переименовать реалии, уже имеющие в языке название. Такого рода исследование нацелено на то, чтобы, во-первых, верифицировать взаимосвязь между определенным признаковым впечатлением об объектах и акустико-артикуляционными свойствами звуков (выявить, какие звуковые ассоциации вызывает у носителей языка представление о некоторых явлениях незвуковой действительности), во-вторых, установить, насколько выявленные в фоносемантических исследованиях и какие именно коннотативные значения звуков и звукокомплексов актуальны непосредственно в момент называния.

В качестве экспериментального материала (путем фоносемантического анализа с привлечением данных, полученных при верификации слов по системе ВААЛ) были отобраны стимульные единицы трех типов:

1) слова, фоносемантическая выразительность звуковой оболочки которых гармонирует с их смысловым содержанием, оценочно акцентирует тот или иной признак (денотативный или коннотативный): *кактус* «Южное растение с безлистными мясистыми стеблями, покрытыми колючками» [МАС, 1999, т. II: 20] (по данным ВААЛ, шероховатый 23%, угловатый 34%), *идиллия* «Мирное, безмятежно-счастливое, ничем не омрачаемое существование» [МАС, 1999, т. I: 631] (хороший 52%, красивый 45%, добрый 36%, светлый 42%, нежный 34%, веселый 28%, яркий 36%, радостный 40%); *жара* «Горячий, сильно нагретый воздух где-л.» [МАС, 1999, т. I: 472] (горячий 26%, сильный 29%);

2) слова, звуковая оболочка которых нейтральна по отношению к его лексической семантике (степень выраженности признака, по данным ВААЛ, приближена к нулю): *великан* «Человек очень большого, превышающего обычную меру роста» [МАС, 1999, т. I: 146] (маленький 1%); *угол* (округлый 4%); *женщина* (женственный 2%);

3) третий тип стимулов иллюстрирует соотношение лексического и фонетического значений по принципу контраста: *круг* (угловатый 45%), *мальши* (большой 31%), *демон* (хороший 19%, красивый 15%, безопасный 14%, добрый 58%, светлый 31%).

Таким образом организованный стимульный материал позволит проследить, насколько номинации, данные респондентами, окажутся более (или менее) удачными с фоносемантической точки зрения, будут ли сделаны попытки «снять» контраст между звучанием и значением, привести их в соответствие.

В исследовании приняли участие 60 студентов-филологов, еще не изучавших курс «Фоносемантика» и, предположительно, не знакомых с основами данной науки. Задание для испытуемых было сформулировано следующим образом: *«Представьте, что Вы создаете новый язык. Ваша задача – сделать так, чтобы звучания слов максимально соответствовали их значениям. Напишите, какие звукокомплексы / звуки соответствуют Вашему представлению о следующих явлениях, назовите их по-новому: круг, угол, демон, женщина, великан, мальши, идиллия, кактус, жара. P.S.: Ваши ответы не должны быть похожи на слова нормативного языка, не должны быть сконструированы путем перестановки букв в уже имеющихся словах».*

Предлагаемая инструкция апеллирует к лингвистической интуиции испытуемых, направлена на выявление закрепленных в языковом сознании ассоциативных связей между звучаниями и значениями.

В результате проведения эксперимента получено 517 номинаций. Обработка эксперимента включала в себя следующие этапы: верификация ассоциативной выразительности звукокомплексов по программе ВААЛ, их фоносемантический анализ (включающий статистический подсчет), устанавливающий, какие звуки и звукокомплексы преимущественно использовали испытуемые для выражения того или иного содержания. При верификации по программе ВААЛ учитывались данные по одному или нескольким признакам, наиболее релевантным по отношению к лексическому содержанию стимулов.

Первый этап анализа позволил выявить следующие тенденции. «Удачными» с фоносемантической точки зрения (к таким

мы относили реакции, которые получили больший процент по искомому признаку, чем стимулы), оказались 70% номинаций, что подтверждает тезис о том, что содержание и форма «всегда стремятся к взаимному соответствию» [Журавлев 1991: 37]: **угол** (округлый 4%)/ **кр** (угловатый 65%), **ког** (угловатый 53%), **крак** (угловатый 53%), **кырк** (угловатый 43%); **круг** (угловатый 45%)/ **аваос** (округлый 51%), **олов** (округлый 50%), **оло** (округлый 46%); **великан** (маленький 1%)/ **отон** (большой 63%), **ом** (большой 61%), **ара** (большой 56%), **оговал** (большой 49%), **волболдол** (большой 48%); **жара** (горячий 26%)/ **кир** (горячий 36%), **чекка** (горячий 34%); **кактус** (шероховатый 23%, угловатый 34%)/ **кхтчк** (шероховатый 62%, угловатый 56%), **жвец** (шероховатый 56%, угловатый 24%), **харах** (шероховатый 52%, угловатый 38%), **кокк** (шероховатый 51%, угловатый 60%); **мальши** (большой 31%)/ **пилин** (маленький 69%), **милик** (маленький 32%); **демон** (хороший 19%, красивый 15%, безопасный 14%, добрый 58%, светлый 31%, низменный 11%)/ **жузезм** (плохой 22%, отталкивающий 25%, страшный 27%, злой 27%, темный 4%), **крык** (плохой 9%, отталкивающий 22%, страшный 41%, злой 7%, темный 35%), **рафт** (плохой 32%, отталкивающий 31%, страшный 68%, злой 39%, темный 45%).

При этом по нескольким стимулам результаты противоречивы. Так, на стимул *круг* получено лишь 55% «круглых» ассоциатов и 45% «угловатых»; на стимул *жара* – 60% «холодных» ассоциаций, 40% – «горячих». Номинации, предложенные респондентами для стимула *женщина*, имеют преимущественно «мужественное» и «сильное» фоносемантическое значение (80% реакций), при этом часто коннотированы отрицательно: *грозк* (плохой 5%, отталкивающий 5%, злой 36%, грубый 39%, мужественный 54%, сильный 39%), *расона* (страшный 45%, злой 29%, грубый 51%, мужественный 63%, сильный 59%).

Данная ситуация может быть объяснена, во-первых, воздействием на респондентов в процессе ассоциирования узуальной звуковой оболочки (в частности, ряд реакций на слово *круг* имеют сходный с ним звуковой состав: *гворг, грун, мрук*), во-вторых, погрешностями в работе системы ВААЛ (например, такими, как несчитывание экспериментально зафиксированной

символики губно-губных согласных в аспекте изображения округлого [Михалев 1995: 142] – *бубл* (угловатый 14%), *бум* (угловатый 13%)), в-третьих, с актуальностью фоносемантики отдельных звуков и звукокомплексов для носителей языка, в-четвертых, коннотациями, навеянными характером употребления стимула, языковой привычкой («Понаблюдайте, как употребляется в речи обращение *женщина*. Вы заметите, что избирательно. Так почти никогда не обратятся к изящной, красиво выглядящей, милой представительнице прекрасного пола, а скорее к грубой, излишне полной, не следящей за одеждой и внешностью <...> В стихотворении Некрасова речь идет о силе, мужестве, твердости духа русской женщины, которая *Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет*, т. е. о качествах, считающихся, в основном, мужскими» [Журавлев 1991: 61]). Кроме того, «непопадание» респондентов в установленные стереотипы ассоциативного восприятия звуков и звукокомплексов, возможно, позволит несколько скорректировать список звучаний, соответствующих определенным значениям, но для этого нужны дополнительные исследования.

На втором этапе обработки экспериментальных данных был проанализирован звуковой состав реакций: характер артикуляции (место и способ образования), физические свойства (высота тона, звонкость/ глухость и т.д.) составляющих их звуков, характеристика звуковой оболочки в целом (слоговая структура, наличие редупликации, соответствие нормам эвфонии русского языка и т.д.). Проиллюстрируем некоторые признаки и актуальные фонетические средства их ассоциативной имитации, использованные испытуемыми в процессе номинации.

Физические свойства звуков (акустическая характеристика)	Особенности артикуляции (способ и место образования)	Дополнительные средства фоносемантической выразительности. Свойства звуковой оболочки в целом
<i>Угловатый</i>		
	- заднеязычные согласные: <i>киоксок</i> , <i>куктик</i> , <i>кок</i> , <i>лукокк</i> , - вибрант [p] в раз-	- сочетания заднеязычных с вибрантом, часто – в абсолютном начале слова: <i>кр</i> , <i>крак</i> ,

	ных сочетаниях (в 50% номинаций): <i>зверд, чарха, порз</i> - гласный [ы] напряженной артикуляции: <i>врыл, чыхи, стры, ыщ, кырк, мынгыла</i>	<i>крав, кремб, кырк;</i> - нагнетание согласных, создающих «артикуляционное препятствие»: <i>лоскхма, гнб, кыхтп</i>
<i>Округлый</i>		
	Преобладают лабиализованные гласные [y], [o] (создают впечатление об округлом «благодаря таким чертам их артикуляции, как округление либо выпячивание губ и увеличение объема ротового резонатора» [Воронин 2009: 98]), билабиальные согласные [п], [п'], [б], [б'], [м], [м'] (со значением «круглое», см. [Михалев 1995: 142]): <i>ома, оул, оп, олупа, пумба</i>	Звуковая оболочка в целом характеризуется благозвучностью, мелодичностью, преобладанием гласных над согласными (ср. выше – присутствие труднопроизносимых групп согласных): <i>о, оооуо, аваос, ооло, олоов, ууу;</i>
<i>Большой</i>		
- звонкие согласные: <i>волболдол, будуран, боган, оговал;</i> - гласные низкого тона [ы], [у] [см. о них Воронин 1982: 102]: <i>вылч, грыд, лыш, групп, туук</i>	-частотны взрывные согласные (<i>гродл, бабай, боган</i>); - «широкие» гласные [а], [о] (их образование сопровождается максимальным раскрытием ротовой полости): <i>дамор, ром.</i> Нижний подъем гласного [а] – основа его ассоциативной размерной семанти-	сочетания твердых взрывных согласных с вибрантом: <i>бвагру, бранг, грыд</i>

	ки: «...большое расстояние между спинкой языка и нёбом символизирует понятие «большой» [Михалев 1995: 139]: <i>бабай, бранг, абрам, агар, ара.</i>	
<i>Маленький</i>		
гласные высокого тона как средство образной имитации малого размера [Журавлев 1991, Воронин 1982]: <i>пики, пилин, лиминг, лимик, минимил, мимиль</i>	палатализованные (преимущественно сонорные) согласные: <i>лэзя, минимил, пилин, тютти, лямясь</i>	звуковая оболочка часто (в 40% случаев) имеет односложную структуру: <i>ля, лёй, люс, и</i>
<i>шероховатый, колючий</i>		
	подтверждается отмеченная в фоносемантических исследованиях [см., например, Журавлев 1974, 1991] звуко-символическая выразительность щелевых (шипящих и «свистящих») согласных в аспекте имитации шероховатой поверхности: <i>жвец, пиши, шишин, шиггл, зус, сукт, сюг</i> - взрывные заднеязычные согласные [г], [к], вибрант [р]: <i>кокк, киксфокис, шиггл, киртэк, разанка, феррус, камкамус, куразив</i>	труднопроизносимые неблагозвучные сочетания взрывных с вибрантом [кр], [рк], [тр], [рт], [бр] (<i>крезел, шортус, киртэк, кырк, бражс</i>) нагнетание согласных (зачастую слово целиком состоит из согласных): <i>кхтчк, пиши суткк</i>
<i>Горячий</i>		

<p>экспериментально установленные фоносемантические маркеры «горячего» – глухие палатализованные согласные [Журавлев 1991: 23] и шипящие [ж],[ч], [щ] [Журавлев 1991: 74] используются респондентами весьма непоследовательно (в 23 номинациях из 56), при этом преимущественно не в сильных позициях. С большей частотностью употребляются «холодные» звуки - звонкие твердые согласные</p>	
<p><i>положительная оценка: хороший, добрый, светлый, безопасный, яркий, радостный</i></p>	
<p>преобладание сонорных согласных (положительно коннотированных [Журавлев 1991]: <i>мимилон, лиминия, яллими</i></p>	<p>благозвучная, мелодичная звуковая оболочка: <i>люа, айлис, нима, лидал</i></p>
<p><i>отрицательная оценка: плохой, отталкивающий, страшный, злой, темный</i></p>	
<p>Значимым в создании звукообраза (ассоциативной имитации таких его свойств, как сила и активность) является противопоставление согласных по звонкости/глухости: <i>кочк (слабый, хилый, печальный), гонгол (сильный, активный, грубый)</i></p>	<p>Используются три группы отрицательно-коннотированных согласных: активны заднеязычные [к], [к'], [г], [г'] (<i>гонтул, китчек</i>), вибрант [р] (<i>брахтар, гррхч, аргорос, врз</i>), шипящие [ж], [ш], [ч], [щ] (<i>шеж, желон, шухришван, шахас</i>) Интересно, что в соответствии с оттенками коннотативной окраски указанных групп согласных выделяются «активный» и «пассивный» звукообразы «демона»: доминирование виб-</p>

	<p>ранта [р] несет в себе такие характеристики, как <i>страшный, темный, злой</i>, при этом <i>грубый, мужественный, сильный, громкий, могучий, активный и яркий</i>; образ, построенный на шипящих – <i>плой, страшный, темный, но низменный грустный, пассивный, печальный</i>. Заднеязычные согласные в зависимости от звонкости/ глухости могут поддерживать и тот, и другой образ.</p>	
--	---	--

Полученные данные отражают основные акустико-артикуляционные средства, использованные испытуемыми для звукоизображения того или иного содержания. При этом для образной имитации разных признаков актуальными могут оказываться физические свойства звуков, особенности их артикуляции или те и другие характеристики в комплексе (например, высота тона гласных + степень подъема). Дополнительным источником фоносемантической выразительности может выступать структурная организация звуковой оболочки в целом, экспрессивные ресурсы звуковой комбинаторики.

Проведенное исследование не дает готовых ответов на поставленные вопросы, а лишь позволяет под другим углом рассмотреть соотношение «означаемое/ означающее», понаблюдать за особенностями актуализации в сознании испытуемых взаимосвязей «звучание/ значение» и, кроме того, выявить эмоционально-оценочное отношение респондентов к некоторым реалиям действительности (следовательно, может применяться и при психологической диагностике). Перспектива заключается в возможности уточнения, дополнения существующего перечня

фоносемантических средств имитации тех или иных значений на материале большого количества признаковых характеристик, с участием большого количества испытуемых.

На материале полученных окказиональных номинаций был проведен небольшой «пилотный» эксперимент на предмет считывания «закодированной» в них звукосимволики, ее удачности с точки зрения восприятия носителями языка. В качестве экспериментальных процедур использовались метод прямого толкования и «методика завершения (дополнения) высказывания как одна из верификаций принципа вероятностного прогнозирования» [Гридина 2012: 20]. С включением некоторых предложенных респондентами фоносемантов экспериментатором был составлен небольшой текст: *Однажды оговал и лимин рисовали. На столе стоял шиглл. Оговал нарисовал кырк, лимин нарисовал олоов. Вот такая люа была этим вечером. Позже пришел жузезм и...* (использованные окказионализмы были вариантами следующих узуальных номинаций: *оговал* – великан, *лимин* – малыши, *кырк* – угол, *олоов* – круг, *шиглл* – кактус, *люа* – идилия, *жузезм* – демон).

В качестве участников была привлечена другая группа испытуемых (студенты-филологи в возрасте 18-21 год, всего 30 человек), которой предлагалось «перевести» текст, объясняя значения незнакомых слов путем замены на известные слова или словосочетания, и закончить его. Целью эксперимента было, во-первых, выявить, насколько звуковая оболочка стимулов способна «подсказывать» респондентам их значения, моделировать потенциальный денотат в контекстуальном окружении, не содержащем каких-либо указаний на «зашифрованные» реалии; во-вторых, проанализировать прогностический потенциал фоносеманта в аспекте эмоционально-оценочного окрашивания предполагаемых реакций на этапе продолжения текста. В качестве **гипотезы** предлагался тезис о том, что в процессе семантизации респондентами незнакомых слов одним из значимых факторов выступит их звукосимволическая выразительность; фоносемантика стимула *жузезм* будет задавать эмоционально-оценочный вектор ассоциирования при завершении текста.

Полученные в ходе эксперимента реакции были обработаны на предмет составления ассоциативных полей искусственных стимулов. Выявлены ведущие стратегии семантизации фоносемантов:

– опора на формальное созвучие (поиск близких по звучанию узуальных лексем), при этом выделяется «сильное созвучие (совпадение начального элемента)» [Малов 2001: 88]: *лимин – лимон, олоов – олово, люа – Люба* и т.д.; «слабое созвучие» [там же], совпадение слоговой структуры, ритмики: *лимин – пингвин, лемур, кырк – рык, крик, олоов – орлов, шиггл – щёгол* и т.д.

– опора на контекст (доминирующая в данном случае стратегия), когда респонденты заменяли окказионализмы на любые слова, которые могли быть вписаны в данное контекстуальное окружение: *оговал – человек, лимин – дядя, кырк – птица, рыба, яблоко, олоов – цветок, пейзаж, шиггл – чайник, натюрморт, лампа, подсвечник, джин-тоник, люа – обстановка, история, суматоха, ситуация, жузезм – кузин, папа, брат, крот.*

– наибольший интерес для нас представляли реакции с опорой на фоносемантику, когда респонденты с той или иной степенью точности считывали звукообраз (таких реакций лишь 30%, но они весьма показательны). Так, встречались и 100%-ные «попадания»: *оговал – великан (1), лимин – малыши (1), олоов – круг (1), люа – идиллия (4).*

Реакции, иллюстрирующие считывание респондентами звукообразов:

1) *оговал (великан), лимин (малыш)*: оппозиция большой/маленький актуализируется в образах крупных/маленьких животных (*оговал – медведь, слон, тигр, лимин – кузнечик, ежик, комарик*, ср. наличие уменьшительных суффиксов), взрослых /детей (*оговал – папа, дядя, лимин – сын, маленькая девочка, младший брат*) и др.

2) *кырк (угол)*: ассоциативное представление об угловатой, изогнутой, ломаной линии находит отражение в ассоциатах *квадрат, циркуль, молния, горки, что-то острое, фигура, чертеж какого-то здания.*

3) *олоов (круг)*: *что-л. круглое, приятное, облако, яблоко;*

4) *шиггл (кактус): степлер, игрушечный ежик, швейная машинка* (обозначены реалии, содержащие острые детали);

5) *люа (идиллия): любовь (3), красота, гармония;*

6) *жузезм (демон): злодей, вредитель, злой завистливый дед, подлый портной, враг.*

На этапе завершения текста 60% испытуемых предложили сценарий, в котором *жузезм* выступает неким «вредителем», непрошеным гостем, несущим зло и разрушение, нарушающим гармонию и приятную атмосферу вечера: *все испортил (3), испортил всем настроение (2), отобрал рисунки, нарушил идиллию, все изорвал, зарубил лису, закончил веселье*. Мы склонны связывать данную тенденцию с «агрессивной» фоносемантикой стимула, обусловленной нагнетанием в его звуковой оболочке отрицательно маркированных в русском языке [Журавлев 1991: 26] шипящих и свистящих согласных [жзз] (для того, чтобы проверить этот вывод, в качестве перспективы возможно проведение аналогичного эксперимента в нескольких группах: предложить респондентам завершить тот же текст с разным конечным стимулом, например, фоносемантом с противоположной эмоционально-оценочной окраской или нейтральным словом). Интересны также ответы респондентов, которые, включившись в ситуацию игры и шутки, реагировали на стимулы фоносемантами: *Позже пришел жузезм и офорезил пляюку, однажды горгогуль и люминарь рисовали*.

Таким образом, результаты проведенных экспериментов при всей их неоднозначности все же подтверждают тезис о наличии устойчивой, закономерной взаимосвязи между звучанием и значением в сознании носителей языка: те или иные значения «притягивают» определенные типы звучаний, асемантические звукокомплексы задают спектр потенциальных денотатов.

ЛИТЕРАТУРА

Ваулина И. А. Фоносемантическая экспрессивность русского слова: психолингвистический аспект // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований. Материалы Международн. (заочной) научно-практической конф. – 2017.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. – СПб., 1982.

Гридина Т. А. Методика завершения высказывания: стратегии текстоорождения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2012. №10.

Гридина Т. А. Что такое «АЛЬДЫПЫП»: фоносемантические проекции детского окказионального слова (экспериментальные данные) // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2015. №4.

Журавлев А. П. Звук и смысл. – М., 1991.

Журавлев А. П. Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке (психолингвистическое исследование): дисс. на соиск. уч. степ. д. филол. н. – Калининград, 1974.

Левицкий В. В. Звуковой символизм: основные итоги: монография. – Черновцы, 1998.

Малов В. И. Лингвистическое исследование асемантического текста: дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. – Екатеринбург, 2001.

Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля: дисс. На соиск. Уч. степ. д. филол. н. – Пятигорск, 1995.

Словарь русского языка (МАС): В 4-х т. – М., 1999.

©*Ваулина И.А., 2018*